
ЗНАЕШЬ, ЧТО ХУЖЕ ТЮРЬМЫ?
ТЮРЬМА, В КОТОРОЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ
САМИ ПРОСЯТ НАДЕТЬ НА НИХ
ЦЕПИ ПОТУЖЕ
РЕЙТИНГ
АЛИСА АРТЕМОВА

Алиса Артемова
Рейтинг

https://litres.ru/74708558
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Соколова живет в мире, где человека определяет число на браслете. От него зависит, где тебе работать, жить и даже как свободно дышать. Вера верит в систему TrueYou, соблюдает правила и держится в «зеленой зоне». Ее утро идеально, улыбки выверены, оценка стабильно высока.

Все рушится из-за уведомления об отце. Вера выходит в районы, которых нет на карте ее привычной жизни, встречает людей, выброшенных из рейтинга, и понимает, как легко цифра отнимает у человека имя. Один неверный шаг переводит ее в желтую зону, потом в ноль. Теперь за ней охотятся те, кому она доверяла.

Чтобы добраться до правды, Вере придется выбирать между безопасностью и свободой. Впереди белые коридоры, двойная игра и час, когда загрузка замирает на 93%, а за спиной щелкает затвор.

«Рейтинг» – остросюжетный роман-антиутопия о цене одобрения, о том, как охотно люди надевают цепи, если их называют заботой, и о праве быть несовершенным. Система не забывает. Система ждет.

Содержание

Пролог. 4
Глава 1 16
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Алиса Артемова
Рейтинг

Пролог.

«Знаешь, что хуже тюрьмы? Тюрьма, в которой заключенные сами просят надеть на них цепи потуже».

Красный свет не мигает. Он просто есть, густой и ровный, как будто сам воздух налили в бутылку из темного стекла. Аварийные лампы под потолком отбрасывают на бетон тени, и все они дрожат, потому что дрожу я.

Я стою на коленях. Бетон ледяной, он тянет тепло через колготки, через кожу, прямо в кости. Колени мокрые. Ткань прилипла к ним тяжело и липко, и с каждым движением я слышу тихий влажный звук, будто кто-то неторопливо разлепляет пальцы. Я не смотрю вниз. Если я не посмотрю, то не узнаю, чем именно они мокрые.

Ты знаешь, чем.

Знаю. Заткнись.

Рядом гудит терминал, единственный живой предмет в этом подземелье. Его экран выбеливает мне левую половину лица, а правая остается в красном, и, наверное, со стороны я

похожа на плохо склеенную маску. На экране ползет полоса загрузки.

93%.

Девяносто три. Всю жизнь я любила эти числа, потому что знала, что они значат. Девяносто три процента – это «отлично, но можно лучше». Это «ты почти идеальна, Вера Олеговна». Это улыбка бариста, комплимент умного дома, строчка в аттестации, где вместо слов стоит цифра. Теперь девяносто три – это все, что отделяет меня от конца света. Или от начала. Я больше не могу их различить.

Дыши. Раз, два, три. Протокол при стрессе: вдох на четыре счета, выдох на шесть.

Смешно. Даже сейчас, под красной лампой, рядом с мертвым человеком, я слышу в голове мелодичный голос приложения. Он спокойно советует мне не поддаваться панике. Десять лет я делала все, что он говорил. Выходит, он действительно умеет меня успокаивать. Выходит, у меня выдрессирован даже страх.

Я перестаю считать и просто дышу. Воздух плотный, со вкусом монеты на языке. Он пахнет озоном от перегретых плат, ржавой водой из труб и чем-то сладковатым, тошнотворным, густым. Кровью. Я не хочу называть это слово даже про себя, но оно уже стоит в горле комом, и я сглатываю, и оно возвращается.

Он лежит справа, у ножки стола, наполовину в красной тени, наполовину в синеватом свете экрана. Я не поворачи-

ваю головы. Смотрю на терминал, на его бледный экран, на строчки, которые бегут слишком быстро, чтобы их прочесть. Но я чувствую его всем телом, как чувствуют раскаленную плиту, даже не касаясь.

Его рука все еще лежит в моей. Теплая. Пока еще теплая.

Пальцы у него широкие, с сухой кожей и обломанными ногтями. В линиях ладони набилась черная пыль, въевшаяся так глубоко, что ее не отмоешь и за сорок лет. Рабочая рука. Моя рядом с ней выглядит как рука куклы: ровный маникюр, гладкая кожа, ни единой мозоли. Только теперь на моих пальцах запекается чужая кровь, и она стягивает кожу, как высыхающий клей.

Я не смотрю на его лицо. Если посмотрю, это станет правдой. А пока я не смотрю, он просто потерял сознание, просто отдыхает, и через минуту кто-то из нас скажет какую-нибудь глупую шутку, и мы продолжим.

Ты видела его живот. Ты прижимала к нему куртку обеими руками, всем весом, и она промокла насквозь за полторы минуты. Куртка весила как мокрый мешок.

Нет. Я ничего не видела.

Видела. Там было мясо, Вера. Там было темное, горячее, живое мясо, и оно пульсировало под твоими ладонями. А потом перестало.

– Эй, – шепчу я экрану. Голос ломается на первом слоге. – Слышишь? Загрузка идет. Девяносто три. Ты же хотел, чтобы я дошла.

Тишина. Гудят вентиляторы серверов, где-то глубоко в стене капает вода. Больше ни звука. Он не дышит. Грудь, на которую я давила, пока не хрустнуло что-то под ребрами, больше не поднимается.

Я пыталась его спасти. Я делала все как учили на курсах «Заботливый гражданин», обязательных для рейтинга выше четырех. Две руки на грудь, тридцать нажатий, два вдоха. Я считала вслух и сбилась на семнадцатом, потому что вдруг поняла, что считаю не нажатия, а баллы. *Спасение жизни: +0.4. Оказание первой помощи в присутствии камеры: +0.1 бонусом.*

Господи, как же меня выдрессировали. Человек умирает у меня под руками, его ребра ломаются, у меня во рту его кровь, потому что я наклонилась делать вдох, а в голове у меня складываются плюсики.

Ты и сейчас проверяешь, засчиталось ли.

Это правда. Я проверила. Первым делом, еще до того, как его рука стала тяжелой, мой взгляд метнулся к запястью. Какая же я дрянь.

Его последние слова были тихими и совсем не героическими. Он лежал с открытым ртом, на губах пузырилась розовая пена. Он смотрел мимо меня, на потолок, на лампу, и говорил так, как говорят о погоде:

– Доделай. Что бы он тебе ни сказал, доделай.

– Не говори, – просила я. – Береги дыхание.

Все это время он называл меня «Вера Олеговна», с веж-

ливой, чуть насмешливой точностью, как будто мы встретились в приемной. Даже тогда, в начале, когда мы бежали по этим коридорам, и он хватал меня за локоть, подтаскивая к лестнице. Теперь он поймал мой взгляд, и в его глазах что-то на секунду стало ясным, почти веселым.

– Вера. – Он впервые назвал меня просто по имени. – Не дай ему довести до ста. Или… наоборот. Я уже не знаю. Я сам уже не…

Он не договорил. Тело вздрогнуло один раз, коротко, как от удара током. Из горла вышел странный звук, похожий на вздох, которым люди садятся в кресло после долгого дня. Потом рука в моей руке стала тяжелой.

Я не знаю, что он хотел сказать про сто. Не знаю, о каком «он» шла речь. Знаю только, что полоса загрузки продолжает ползти, а я сижу и держу за руку мертвеца, как будто это что-то меняет.

Странная вещь: когда близка смерть, память не показывает кино про всю жизнь. Она показывает мелочи. Нелепые, бытовые и до боли точные.

Я вспоминаю, как извинялась перед кофемашиной.

Это правда. Я стояла утром на кухне в своей светлой квартире, босая, на теплом полу с подогревом, и машина выдала мне слишком горячий напиток. Я сказала ей «простите» и улыбнулась, а умный дом ответил теплым голосом: «Вера Олеговна, вы сегодня прекрасно выглядите». Я тогда подумала: как хорошо, что меня так ценят.

Теперь я думаю: как хорошо, что я до сих пор способна чувствовать стыд за это. Меня, взрослую женщину с высшим образованием, ласкала бытовая техника, и я вставала на цыпочки от удовольствия.

Я вспоминаю отца. Его потертый свитер с заплатками на локтях. Запах турецкого кофе, который он варил каждое утро, будто совершал обряд. Лупу, вечно вставленную в глаз, пока он ковырялся в чужих часах. Он поднимал на меня красный, слезящийся от напряжения глаз и говорил: «Добровольное рабство – самое прочное, дочка. Рабу можно дать свободу, но как освободить человека, который сам кует свои цепи?» Я тогда закатила глаза. Мне было тридцать семь. Я зарабатывала положенные пять баллов в неделю за «семейные визиты» и считала секунды до ухода.

Я считала секунды. Рядом с человеком, который меня растил.

Я вспоминаю Ирину и ее вечные голубиные напоминания в телефоне, этих пухлых серых птиц с карикатурным взглядом, которые клевали экран: *«Не забудь улыбнуться коллеге. +0.01»*. Вспоминаю Марину с красным браслетом, которая стояла у проходной с серым лицом, и девочку, которая цеплялась за ее рукав так, будто мать уже уводили. Я прошла мимо. Я знала, что общение с красным браслетом на людях стоит минус ноль-два. Вспоминаю Киру, Виктора Зимина, старую Тамару из бухгалтерии. Каждый из них был лицом. Теперь каждый стал фишкой на доске, за которой я не виде-

ла игрока.

Я вспоминаю старушку, которая упала у меня на глазах. Серое пальто, авоська с апельсинами, одна нога подвернулась на ровном месте, и она осела на асфальт мягко, как будто кто-то тихонько подрезал ей сухожилия. Помню, как рванулась помочь. Помню, как подставила плечо, как пахло от нее нафталином и валидолом, как она вцепилась мне в руку сухими птичьими пальцами. И как зеленая вспышка на браслете («+0,05!») отозвалась в груди теплой, сладкой, почти физиологической радостью. Эта радость поднялась от живота к горлу, как поднимается желание. Я почти улыбнулась. Над женщиной, у которой кровоточил разбитый локоть.

Меня тогда не удивило, что она упала именно там. В десяти шагах от камеры. Ровно в кадре.

Почему же меня не удивило?

Потому что я не хотела удивляться. Удивление требует вопросов, а вопросы стоят дорого. Минус ноль-три за «необоснованное недоверие к городской среде». Я знала этот тариф наизусть.

За спиной раздается металлический звук, сухой и короткий. Я знаю его, хотя никогда не держала оружия. Знаю, как знают звук собственного имени, произнесенного в темноте.

Затвор.

Мое тело понимает раньше головы. Плечи каменеют, пальцы сжимаются на безжизненной ладони так, что чужие суставы хрустят. Желудок проваливается, во рту становит-

ся сухо, как в пустыне. Мочевой пузырь сводит болезненной судорогой, и я стискиваю бедра, потому что умереть можно по-разному, но не так. Сердце бьется так громко, что кажется, будто серверные стойки вокруг подстраиваются под его ритм.

Не оборачивайся. Пока не оборачиваешься, это еще не случилось.

Холод поднимается по позвоночнику и оседает у основания черепа. Именно туда, как мне кажется, смотрит сейчас ствол. Я чувствую это место отчетливо, до миллиметра, как чувствуют занозу. Кожа там покрывается мурашками, волоски встают дыбом.

Я смотрю на экран.

93%.Цифра не меняется. Полоса замерла, словно кто-то поставил ее на паузу.

Шаги. Медленные. Неторопливые. Подошвы мягко касаются бетона, и от этой мягкости мороз ползет по спине. Так ходят люди, которым некуда торопиться, потому что все уже решено. Шаг. Пауза. Шаг. Он обходит лужу. Я слышу это по тому, как меняется звук: сухой бетон, потом тихое шлепанье, потом снова сухой.

– Я не успела, – говорю я. Мой голос звучит чужим, ломким, почти детским. Из носа течет, и я не могу вытереть, потому что обе руки заняты: одна мертвым, другая собственной коленкой. – Он умер. Я пыталась. Это… это просто случайность. Ничья вина. Просто случайность.

Что ты несешь? Ты оправдываешься. Перед человеком с оружием. Ты просишь у него оценку.

Тишина длится три удара сердца. Я считаю. Раз. Два. Три.

А потом позади меня раздается голос. Тихий, спокойный, знакомый до ужаса. Я слышала его и в пустых коридорах офиса, и по телефону, и, кажется, даже во сне. Не угроза. Не крик. Скорее сочувствие, с которым говорят с ребенком, который никак не поймет очевидного.

– Вера Олеговна, вы действительно думаете, что это случайность?

Мир перестает качаться.

Меня накрывает странная, ледяная ясность. Все, что последние месяцы рассыпалось на отдельные кусочки (кофе на блузке, застрявший лифт, старушка у камеры, пост отца, курьер с планшетом), вдруг складывается в рисунок. Он до тошноты ровный. Слишком ровный. Так выглядят вещи, которые кто-то долго и терпеливо расставлял.

Кофе на белой блузке за полчаса до собеседования. Лифт, остановившийся между этажами ровно на девять минут. Курьер, который трижды перепутал адрес и трижды оказался у моей двери с планшетом, где надо было «подтвердить личность». Пост отца в ленте, который я увидела «случайно». Каждая мелочь стоила мне нескольких сотых балла, и каждая учила меня чему-то одному и тому же.

Меня дрессировали. Не как собаку. Как собаку, которая сама приносит поводок.

Я знаю этот голос. Я не могу его назвать, потому что если назову, придется признать, что я все это время знала. И не хотела знать.

Я опускаю взгляд на запястье. Не потому что хочу, просто привычка. Десять лет мои глаза сами тянутся туда, как к сердцу, которое нужно проверить.

Браслет врезался в кожу. Я не замечала раньше, но под ним наливается темная полоса: он давил всю эту ночь, пока я ползала по полу и вытаскивала чужое тело из-под обломков. Сталь липкая, на ней отпечатались мои пальцы, бурые, четкие. Он мигает. Тусклым, больным, желто-красным светом, и этот свет падает на мою кожу, и она кажется чужой, восковой.

На нем стоит число.

0.0

Я смотрю на него и не понимаю. Потом понимаю, и от этого становится холоднее, чем от ствола у затылка.

Ноль не бывает рейтингом. Ноль – это не оценка. Ноль – это когда человека стирают, когда браслет гаснет, счета замораживаются, дверь квартиры перестает узнавать лицо, имя исчезает из всех баз. Лена рассказывала: после ноля не остается даже строки в реестре. Был человек, и вот его нет, и даже тот, кто вспомнит, не найдет, о ком вспоминать. Мертвые браслеты не мигают. Мертвые браслеты молчат.

Мой мигает.

Он мигает в такт чему-то, чего я не слышу, и ровно че-

рез каждую секунду на краю дисплея вспыхивает крошечная надпись, которую я никогда раньше не видела:

«Субъект 0 – наблюдение продолжается».

Субъект. Не «Вера Олеговна». Не «уважаемый гражданин». Не «Вы». Десять лет меня называли по имени и отчеству, мягко, с легким поклоном голоса, и вот теперь я всего лишь лабораторная мышь с порядковым номером. А вокруг меня всегда был не дом и не город. Вокруг меня была клетка, просто стены в ней рисовали в теплых тонах.

Я хочу закричать. Хочу сорвать эту дрянь с руки, швырнуть об бетон, топтать, пока не останутся осколки. Содрать вместе с кожей, если понадобится. Но руки не слушаются. Одна все еще держит ладонь человека, которого я не спасла. Вторая лежит на колене, и пальцы вцепились в мокрую ткань так сильно, что побелели.

Он сказал: «Доделай». Он умер ради этого. Или не ради этого, а просто умер, и у тебя теперь есть выбор: сделать его смерть чем-то или оставить мясом на полу.

А на экране терминала, у самой кромки красного света, полоса загрузки дрогнула и, будто решившись, пошла дальше. Девяносто четыре.

Позади меня снова щелкает затвор.

Экран гаснет. Не постепенно, а разом, будто кто-то выдернул из мира шнур. Красный свет, терминал, браслет, мертвая рука в моей руке. Остается тьма, густая, как смола, и тихий звук, который я не сразу узнаю.

Это я. Я дышу. Раз, два, три. На четыре счета вдох, на шесть выдох.

Даже здесь. Даже сейчас. Приложение научило меня хорошо.

Потом в темноте проступают белые буквы, ровные, аккуратные, без единого изъяна:

«За четырнадцать месяцев до этого».

Глава 1

Рейтинг Веры: 4.2

Браслет будит меня за секунду до того, как я просыпаюсь сама.

Три восходящие ноты, «Утренняя роса». Приложение когда-то назвало эту мелодию оптимальной для мягкого пробуждения, и с тех пор я ни разу ее не меняла. На стене часы показывают 6:00:00. Я еще не открыла глаза, а губы уже растянуты в улыбке. Это привычка. Утренняя улыбка «задает тон дня», а датчик на запястье проверяет, что тон задан: линию рта, пульс, температуру кожи.

Потом я смотрю на цифру. Сначала цифра, потом лицо в зеркале, потом все остальное. Если цифра в порядке, день разрешен.

4.2.Кольцо вокруг экрана светится ровным зеленым, как спокойное море на открытке.

Шторы раздвигаются сами. За стеклом еще темно, и квартира включает «имитацию рассвета»: теплый свет поднимается от плинтуса к потолку, будто солнце встает прямо у меня в спальне.

– Доброе утро, Вера Олеговна, – говорит дом. Голос у него низкий, мягкий, без возраста. – Вы проспали семь часов сорок минут. Это на двенадцать процентов лучше Вашего среднего показателя.

Нужно ответить. Молчание тоже ответ, и тоже записывается.

– Спасибо. И тебе доброго утра.

– Благодарю за вежливость.

Невежливость стоит – 0.01, вежливость не стоит ничего. Эту арифметику я выучила не головой, а лопатками, они сами расправляются, когда я говорю «спасибо» пустой комнате.

Я лежу еще три секунды. В голове проносится: *вот бы сегодня никто ничего не оценивал*. Эта мысль появляется каждое утро и каждое утро исчезает раньше, чем я успеваю ее рассмотреть.

Йога занимает двадцать минут. В углу гостиной висит темное зеркало с подсветкой, и в нем рядом со мной двигается светящийся контур. Мой контур отстает от настоящей меня на полсекунды.

Вдох на четыре счета. Выдох на шесть.

– Поза «воин» сегодня стабильнее на три процента, – сообщает дом. – Прекрасная динамика.

Я не хочу, чтобы поза была стабильнее. Я хочу, чтобы колено перестало ныть. Но «колено» в приложении не отслеживается, а «стабильность» отслеживается, поэтому я улыбаюсь контуру и принимаю похвалу.

На кухне кофемашина уже готовит эспрессо. Я не просила, она знает мое утро лучше меня. Я тянусь за чашкой, задеваю носик локтем и слышу собственный голос:

– Ой, прости.

Я извиняюсь перед кофемашиной. Я делаю это не первый раз и не последний. Я всегда извиняюсь первой: перед людьми, дверьми, лифтами. Кто извинился первым, тот в безопасности. Мне кажется, я узнала это раньше, чем научилась читать.

На экране холодильника висит рекомендация завтрака:

Овсянка с черникой, 312 ккал. Пользователи с Вашим профилем, выбирающие этот вариант, в среднем получают +0.01 к показателю «забота о себе» за неделю.

Мне хочется тост с маслом. Просто хлеб, толстый, с хрустящей коркой и растаявшим маслом, как у мамы. Я смотрю на хлебницу целую вечность, секунды три. Потом достаю овсянку, и она на вкус как теплые обои.

Пока ем, открываю дневник благодарностей. Нужно три записи. Первая легкая, я пишу ее не думая: *«Благодарна за здоровье»*. Вторая тоже: *«Благодарна за работу, которая ценит меня»*. Третья всегда дается труднее. Курсор мигает в пустой строке, а ниже приложение услужливо предлагает варианты: «за возможность расти», «за поддержку близких», «за этот день».

Над списком контактов висит серая плашка: *«Близкие. Контакт «Папа»: нет взаимодействий 731 день»*. Строка не красная, не тревожная, просто серая, как строка в налоговой квитанции. Я не открываю ее. Нажимаю «за этот день».

Дневник принимает запись.

В правом углу экрана тонкая полоса: **Прогресс идеального дня: 14%.**

Кофейня на углу работает «с шести тридцати для тех, кто ценит порядок». Здесь я каждый день покупаю то, что уже выпила дома, потому что в очереди учитывается спокойное ожидание, а у стойки учитывается контакт.

Бариста Даниил (бейдж, 3.8, зеленое кольцо) поднимает на меня глаза и говорит с точностью метронома:

– Доброе утро! У Вас сегодня замечательная улыбка.

Фраза звучит так, будто он ее читает. Скорее всего, читает, внутри его очков, наверное, бежит строка подсказок. Я знаю, что ответить, и отвечаю:

– Спасибо, Даниил. У Вас тоже.

Он улыбается. Улыбка идеальная, симметричная, до зубов. Глаза в ней не участвуют. Я смотрю на эти глаза чуть дольше, чем нужно, и вижу в них то, что вижу в зеркале по утрам: человека, который считает мышцы лица.

Браслет коротко вибрирует.

+0.01.Даниилу, наверное, тоже.

Я беру стакан, на котором напечатано мое имя и слово «стабильность», и выхожу на улицу. На столбе в двух метрах от входа мигает красная точка.

Я работаю в отделе персонала на двенадцатом этаже. Моя работа – решать, кому позволено работать. Звучит так, словно ею гордятся, и поначалу я гордилась.

Кандидатка опаздывает на две минуты. Опоздание в ее досье, вероятно, уже висит жирной строкой, но ей этого не сказали.

Девушке лет двадцать три. Серый жакет великоват в плечах, волосы стянуты так туго, что кожа у висков побелела. Она садится на край стула и кладет руки под стол. Я вижу, как они дрожат: пальцы поддергиваются, будто она печатает на невидимой клавиатуре.

На планшете у меня короткая справка:

Кира. Стажер. Допуск в штат: от 3.5. Рейтинг кандидата: 3.4. Рекомендация системы: отклонить. Время обработки: 00:00:41.

Сорок одну секунду система думала над ее судьбой. Когда я только начинала, я тратила на каждое такое решение по полдня, а первые сто из них вспоминала еще неделями.

– Здравствуйте, Кира. Расскажите о себе.

Она рассказывает быстро, отрепетированными абзацами. Красный диплом. Волонтерство в приюте. Три языка. Стажировка в муниципалитете, где ее хвалили за «исполнительность». Каждая фраза выглажена, как рубашка перед смертью. Я слушаю, а в голове крутится одно: *сорок одна секунда*.

– Мне нужно спросить про рейтинг, – говорю я как можно мягче. – Он был выше. Что случилось?

Тишина длится дольше, чем ей позволено. Потом она поднимает на меня глаза.

– Я плакала в метро, – говорит она тихо. – Три раза за

месяц. У меня бабушка… Это неважно. Система записала «публичные эпизоды негативной эмоциональности». Три эпизода – минус семь десятых.

Она произносит это ровно, слово в слово, как диагноз.

– Я знаю, что Вы должны сказать, – добавляет она. – «Спасибо, мы Вам позвоним». Я понимаю.

Я смотрю на кнопки в углу экрана: **«Отклонить»**и **«Принять»**. Вторая серая и неактивная, на ней всплывает подсказка: *«Исключение возможно по обоснованию руководителя отдела»*.

Исключение. Это слово лежит в протоколе как холодный камень.

Я знаю цену. Каждый принятый ниже допуска ложится на средний рейтинг команды, а средний рейтинг команды ложится на рейтинг руководителя. На мой. Минус одна-две сотых, не катастрофа, но сотые копятся. Я знаю людей, которые упали до желтого с четырех и шести на одних сотых.

И одновременно я вижу себя в двадцать три года, в туалете на втором этаже университета. Я стою, прижавшись лбом к кафелю, и плачу без звука, потому что за дверью кто-то слушает. Тогда камер в уборных еще не было. Мне повезло. Просто повезло.

Я хочу помочь ей. Я говорю себе это ясно и громко, как заклинание. Но под заклинанием шевелится другая мысль, и мне становится неприятно, что я ее слышу. *Ты хочешь быть той, кто разрешил.* Это тоже желание. Теплое, сладкое, как

первый глоток чего-то запретного. Быть доброй.

А сколько в этом доброты, и сколько потребности чувствовать себя доброй? Я не знаю. Различить это изнутри невозможно, как отличить собственный голос в записи.

– Подождите минуту, – говорю я.

Я нажимаю «Исключение». Всплывает окно: *«Укажите обоснование (минимум 140 символов)»*. Я начинаю печатать то, что думаю на самом деле:

«Она плакала в метро, потому что ей есть кого терять. Мне кажется, такие люди нам нужны».

Система не отвечает секунду. Потом:

«Формулировка содержит эмоциональные оценки. Пожалуйста, переформулируйте».

Я смотрю на экран. Что-то холодное проходит по позвоночнику, ничего особенного, просто дыхание кондиционера. Рядом с окном всплывает рекомендованная фраза: *«Кандидат демонстрирует потенциал для коррекции показателей».*

Я принимаю ее. Нажимаю. Подтверждаю.

Браслет не реагирует. Я готова к минусу и жду его, как удара. Секунда. Две. Три. Он молчит, и в этой паузе мне кажется, что он смотрит на меня. Потом кольцо вспыхивает зеленым: **+0.02**.

Я нарушила протокол, и меня наградили. Я решаю, что это и есть справедливость.

Кира сидит неподвижно. Когда я говорю «Мы Вас берем»,

она не улыбается и не плачет, она просто выдыхает, будто с нее сняли мешок с камнями. Потом встает, протягивает руку, и пока я жму ее холодные пальцы, замечаю: она смотрит не мне в глаза. Она смотрит на мой браслет.

– Вы не пожалеете, – говорит она. – Я буду лучшей. Вот увидите.

Мне кажется, это обещание. Позже я решу, что это был прогноз.

В коридоре, у стеклянной стены, меня ждет Виктор Зимин.

У него 4.8, и у него нет плохой погоды на лице. Я работаю с ним семь лет и ни разу не видела, чтобы он хмурился на людях. Говорят, он и дома улыбается, потому что дома тоже есть датчики.

– Вера, – он берет меня под локоть, как берут под руку на торжественном приеме. – Мне уже сообщили о Вашем решении по стажерке.

С момента, как я нажала «подтвердить», прошло не больше пятнадцати минут. Мысль мелькает и тут же гаснет: *быстро*. Я не успеваю ее додумать.

– Это исключение, – говорю я. – Я готова объяснить.

– Не нужно. – Он улыбается, и улыбка у него настоящая, выверенная годами. – Я хочу сказать другое. Командный дух. Вот что я ценю. Умение видеть в человеке не цифру, а потенциал. Вы пример для всего отдела.

Он говорит «командный дух» так, как говорят «аминь».

Рядом проходят двое коллег и слушают, замедляя шаг. Я чувствую, как это видят и записывают: похвала при свидетелях, еще несколько сотых сверху.

– Спасибо, Виктор Андреевич.

– Только… – он слегка сжимает мой локоть и отпускает, – следите, чтобы камеры тоже видели Вас.

Он уходит. Мне кажется, что в этой фразе что-то есть, но я не успеваю понять, что именно. Я беру чашку с подоконника, чтобы чем-то занять руки, и вдруг замечаю: пальцы ледяные. Совсем. Кончики белые, как после прогулки без перчаток.

Кондиционер, думаю я. *Надо сказать, чтобы выключили.*

Я не говорю.

Домой я иду пешком, хотя приложение советует транспорт. Пешком выходит «+0.01 за активность». Я иду просто потому, что устала от закрытых дверей.

Улица в этот час золотая от низкого солнца. Площадь у остановки пахнет мокрым асфальтом и горячим хлебом из пекарни, у которой стоит очередь. Люди идут, не глядя друг на друга, но чуть-чуть кивая: «Вы», «я», «Вы». Обычный вечер.

И вдруг я слышу вскрик и звук падения.

Женщина лет семидесяти лежит на тротуаре прямо посреди площади. Бежевое пальто, шляпка набок, сетка с апельсинами. Они катятся в разные стороны, оранжевые, яркие, смешные. Один останавливается у моей ноги.

Вокруг уже собираются. Кто-то замедляет шаг, кто-то до-

стает телефон. Они стоят на расстоянии вытянутой руки, как перед витриной. Я знаю, о чем они думают: *помощь без запроса может быть расценена как вмешательство. Помощь с запросом принесет плюс.* Они ждут, когда кто-нибудь решит.

Я решаю первой. Опускаюсь на колени.

– Вы меня слышите? Что болит?

Женщина смотрит на меня чистыми серыми глазами. Бровь у нее чуть подрагивает, и это единственное, что выдает боль. У нее на запястье ярко-зеленое кольцо: 4.7. Выше, чем у меня.

– Ой, деточка, – шепчет она. – Нога… Смогу ли я подняться, ума не приложу.

Я подхватываю ее под локоть. Она тяжелее, чем кажется, и легче, чем должна быть. Пока мы с трудом поднимаемся, пальцы старушки сжимают мое запястье, и большой палец на секунду ложится прямо на мой экран, будто она проверяет пульс. Или цифру.

— Вот и умница, – говорит она. – Хорошая девочка.

Браслет вспыхивает так ярко, что на секунду слепит.

+0.05. Из толпы кто-то одобрительно хмыкает: «Молодец». Кто-то делает снимок. Я стою посреди площади, держу чужие апельсины, и мне тепло. Второй раз за день я чувствую, что делаю что-то настоящее.

Я собираю фрукты. Женщина кивает, берет сетку и уходит, прихрамывая, неожиданно быстро. Я смотрю ей вслед

и не думаю ни о чем.

Потом я вспомню эту площадь. Позже, много недель спустя, я буду возвращаться к ней мысленно, раз за разом, как к месту аварии. Я вспомню столб с красной точкой, ровно над тем местом, где она упала. Вспомню, что она упала не на бегу, не на ступеньке, не на скользком камне. Она просто опустилась на асфальт, красиво, как актриса, которая знает, где ее свет.

Но сейчас я об этом не думаю. Сейчас я счастлива.

Лифт в нашем доме умный, как и все остальное. Он приветствует меня по имени, читает цифру на запястье и мягко добавляет:

– С возвращением, Вера Олеговна. Одиннадцатый этаж.

Я нажимаю кнопку. Двери почти закрылись, когда между ними просовывается детская ладонь.

В кабину входят две фигуры. Соседка, Марина, живет этажом ниже. Мы здороваемся третий год: «добрый вечер», «до свидания». Она тихая, неприметная, всегда в одном и том же сером пальто. За ней маленькая девочка лет шести, в розовой шапке с помпоном.

Марина протягивает руку к панели, и на ее запястье я вижу цвет.

Красный.

Раньше он был желтый. Желтый я помнила. Красный – новый.

Лифт тоже его видит. Табло над дверью меняется, и на нем

появляется мелкая светло-серая строка: *«Рекомендуемая дистанция до пассажира: 1,5 м».*

Тело срабатывает раньше меня. Я не принимаю решения, я просто вижу, как моя нога делает шаг в сторону, к дальней стенке, на те самые полтора метра. Плечо прижимается к холодному зеркалу. Я стою и смотрю на свою ногу, как на чужую.

Лифт едет. Марина не поднимает глаз. Она смотрит в пол, и у нее напряжены скулы. Девочка не смотрит никуда, кроме матери. Она вцепилась обеими руками в рукав серого пальто, так сильно, что побелели костяшки, и держится так, будто кто-то уже начал тянуть ее за другой рукав.

– Мама, – шепчет она. – А тетя нас боится?

– Тише, Соня.

Одно «тише» я слышу ушами, второе мозгом: *не шуми, не привлекай внимание.*

Мне хочется сказать «нет». Хочется сказать: «Я не боюсь», просто сделать шаг навстречу, коснуться маленького плеча. Всего шаг. Полтора метра.

И я не двигаюсь. Потому что над лифтом тоже горит красная точка, а на моем запястье только что набежало утро, апельсины и **4.3**.

– Десятый этаж, – вежливо говорит лифт.

Марина берет девочку на руки и выходит, не оглядываясь. Двери закрываются, и я вижу в зеркале собственное лицо. Оно спокойное, симпатичное, ухоженное. Улыбающееся.

Улыбка не сошла с него даже сейчас.

Дом встречает меня светом, который включился за тридцать секунд до моего прихода.

– Добрый вечер, Вера Олеговна. Сегодня Вы были великолепны.

Я стою в прихожей и слушаю это слово. Великолепны. Что именно я сделала великолепно? Взяла кандидатку ниже допуска? Отступила на полтора метра от ребенка? Подняла старуху, пока три человека держали телефоны?

– Прогресс идеального дня: сто процентов, – продолжает дом. – Отличная работа.

Я снимаю туфли. Ставлю их ровно, носками к стене, как положено. Иду на кухню, наливаю воды и открываю дневник благодарностей, чтобы закрыть вечернюю запись. Курсор мигает в пустой строке. Приложение уже предлагает три варианта.

Я не выбираю ни один. Пытаюсь написать свое, настоящее, но руки не идут. Я не знаю, за что я благодарна. Я не знаю, что я чувствую. Я знаю только, что весь день вокруг меня разворачивались сцены, а я шла сквозь них, как актриса по знакомым мизансценам, и каждый раз кто-то незримый за кулисами говорил: *«Молодец. Дальше».*

Утро, улыбка Даниила, исключение, Зимин, апельсины, лифт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.